

Г. Г. Корбетт

ОДУШЕВЛЕННОСТЬ В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: ПРИМЕР РАСХОЖДЕНИЯ МЕЖДУ СИНТАКСИСОМ И СИМАНТИКОЙ

ВВЕДЕНИЕ

Проблема одушевленности заслуживает внимания как сама по себе, так и в плане общей теории. В первую очередь мы рассмотрим здесь факты русского языка, имеющие отношение к интересующему нас аспекту проблемы одушевленности (разд. 1), и покажем, что в рамках морфологии их объяснить не удается (разд. 2). Затем будет предложено другое объяснение, учитывающее семантические и синтаксические признаки существительных, а также ограничения на наследование семантических признаков (разд. 3). Неожиданно оказывается, что дополнительным аргументом в пользу такого подхода могут служить некоторые синтаксические свойства местоимений (разд. 4). Далее будет продемонстрировано, что модель описания, оправдавшая себя на материале русского языка, подходит и для других славянских языков (разд. 5), а также имеет значение для лингвистической теории в целом (разд. 6).

1. ФАКТЫ

Типичный способ проявления одушевленности в славянских языках состоит в том, что винительный падеж одушевленных существительных использует форму родительного. Определение понятия одушевленности и область ее проявления варьируются от языка к языку. В русском языке одушевленными являются существительные, обозначающие живые существа, включая людей, животных и насекомых, но исключая растения. Проблема разделения существительных на одушевленные и неодушевленные связана с рядом сложностей, которые подробно рассматривались в работе (Corbett 1976, 54—56 и 76—79) и здесь будут лишь кратко перечислены. Имеется два основных типа исключений. К первому относятся существительные, которые в своем основном значении

G. G. Corbett. Animacy in Russian and other slavonic languages: where syntax and semantics fail to match. — In: «Morphosyntax in Slavic». C. V. Chvany, R. D. Brecht (eds.), Slavica Publishers, Inc., Columbus, Ohio, 1980, p. 43—61.

© G. G. Corbett, 1980.

являются одушевленными, но могут употребляться и по отношению к неодушевленным объектам, например, слово *слон* может обозначать не только животное, но и шахматную фигуру; слово *братья* в составе названия романа «Братья Карамазовы» обозначает собственно роман. В таких случаях значение одушевленности у слова сохраняется и винительный падеж по форме совпадает с родительным. Подобных примеров много, и указанное правило почти не знает исключений. Ко второму типу, наоборот, относятся существительные, которые в принципе являются неодушевленными, но при определенных условиях (например, в индивидуально окрашенной авторской речи) они могут трактоваться как одушевленные. Так, *шар* вообще-то является неодушевленным существительным. Но при описании игры в бильярд:

(1) положить *шара* в лузу

это слово может употребляться как одушевленное. В качестве примера индивидуальной трактовки одушевленности Галлис (Gallic 1968, 118) цитирует следующее:

(2) *Хорю* вместо *ямба* и *ямба* вместо *хорю* в вольных стихах употребляю я очень редко... (В. Тредиаковский)

В то время как существительные, относящиеся к исключениям первого типа, всегда употребляются как одушевленные, существительные, относящиеся к исключениям второго типа, ведут себя по-разному. Кроме того, исключения второго типа, будучи сами по себе интересными, крайне немногочисленны. Вообще исключения будут интересовать нас здесь лишь постольку, поскольку мы хотим гарантировать, что предлагаемый подход в принципе может их учесть. А для этого нет необходимости различать рассмотренные выше «обязательные» и «факультативные» исключения. В качестве типового исключения у нас будет выступать слово *слон*.

На этом можно закончить с определением понятия одушевленности в русском языке. Область проявления одушевленности описывается проще. У одушевленных существительных мужского рода единственного числа и мужского, женского и среднего рода множественного числа (и их определений) форма винительного падежа совпадает с формой родительного. Примеры:

- (3) а Я видел брата (м. р., ед. ч., вин. п., одуш. = р.д. п.)
b. » дуб (м. р., ед. ч., вин. п., неодуш. = им. п.)
c. » сестру (ж. р., ед. ч., вин. п., одуш. = вин. п.)
d. » сосну (ж. р., ед. ч., вин. п., неодуш. = вин. п.)
e. » чудовище (ср. р., ед. ч., вин. п., одуш. = им. п.)
f. » дерево (ср. р., ед. ч., вин. п., неодуш. = им. п.)
g. » братьев (м. р., мн. ч., вин. п., одуш. = род. п.)
h. » дубы (м. р., мн. ч., вин. п., неодуш. = им. п.)
i. » сестер (ж. р., мн. ч., вин. п., одуш. = род. п.)

- j. » сосны (ж. р., мн. ч., вин. п., неодуш. = им. п.)
 k. » чудовищ (ср. р., мн. ч., вин. п., одуш. = род. п.)
 l. » деревья (ср. р., мн. ч., вин. п., неодуш. = им. п.)

2. МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С рассмотренными примерами можно поступить таким образом: отнести существительные типа *брат* и *дуб* к разным парадигмам; тогда существительные из примера (3) распределятся по шести таким парадигмам. При каждом существительном должно быть указано, к какой парадигме оно относится, и это указание будет определять, что винительный падеж от слова *брат* имеет форму *брата*, а винительный падеж от слова *дуб* — форму *дуб*. Наше исключение *слон* будет относиться к первой парадигме.

На первый взгляд это решение привлекает своей простотой. Однако в нем имеются подводные камни. Во-первых, следует иметь в виду, что исключения, рассмотренные нами выше, очень немногочисленны по сравнению с подавляющим большинством существительных, в которых морфологическое противопоставление по одушевленности/неодушевленности соответствует реальному семантическому различию. Поэтому регулярность данного противопоставления следовало бы учесть в нашей грамматике. Мы могли бы сделать это, допустив в морфологическом компоненте возможность обращения к семантическим признакам существительных.

Во-вторых, при таком подходе учет вариантов, возникающих в одном только винительном падеже, увеличивает число типов склонения почти вдвое. Положение еще более осложняется тем, что одушевленные существительные в винительном падеже никогда не имеют самостоятельного окончания; оно совпадает либо с окончанием винительного падежа неодушевленных существительных (в женском роде единственного числа), либо с окончанием родительного падежа (в мужском роде единственного числа), либо с окончанием именительного падежа (в среднем роде единственного числа).

В-третьих, наиболее серьезное возражение связано с согласованием прилагательных. Если существительные типа *брат* имеют в качестве независимого винительного падежа форму *брата*, а существительные типа *дуб* — форму *дуб*, то следует иметь для каждого прилагательного по 2 склонения и при этом формы прилагательных должны ставиться в соответствие существительным таким образом, чтобы можно было получить словосочетания

- (4) *высокого* брата (вин. п. = род. п.)
 (5) *высокий* дуб (вин. п. = им. п.)

Аналогично обстоит дело с относительным местоимением *который*. Таким образом, морфологическое решение проблемы, безусловно, неприемлемо. Гораздо более экономичным будет решение, в котором допускается использование синтаксических признаков. В этом случае винительный падеж (исключая формы женского рода единственного числа) не будет независимым, а — как это часто описывается в учебных грамматиках — заимствует свою форму у именительного или родительного падежа.

Таким образом, роль морфологического компонента будет заключаться в интерпретации синтаксических признаков (в число которых войдут одушевленность, число, род и падеж) и в выработке соответствующего окончания. В самом общем виде правила определения формы винительного падежа таковы:

1. Если у существительного имеется независимый винительный падеж, то выбирается форма этого падежа.
2. У одушевленных существительных множественного числа винительный падеж использует форму родительного.
3. У одушевленных существительных мужского рода единственного числа винительный падеж использует форму родительного.
4. Во всех остальных случаях выбирается форма именительного падежа.

3. СИНТАКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Выше было предложено считать одушевленность синтаксическим признаком, который в соответствующий момент позволит определить морфологическую форму слова. (Принятый здесь подход в основных своих чертах совпадает с подходом Дингуолла (Dingwall 1969, 226—229 и др.), демонстрирующего всю сложность данной проблемы.) Кроме того, одушевленность, безусловно, должна входить в семантическую характеристику существительных. Обсудим прежде всего те механизмы, с помощью которых могут быть учтены рассматриваемые факты, а затем проанализируем, каким образом эти механизмы позволяют объяснить поведение существительных женского и среднего рода.

Если считать одушевленность исходно семантическим признаком, то соответствующий синтаксический признак существительного может рассматриваться как производный от семантического. Будем считать, что семантическая и синтаксическая характеристики существуют отдельно друг от друга. Это позволит разрешить ряд проблем, в первую очередь проблему соотношения между полом и родом в русском языке. Данная схема отражает тот факт, что в большинстве случаев семантически одушевленные существительные являются также синтаксически одушевленными.

Исключения получают в синтаксической характеристике соответствующую помету. Например:

	<i>брат</i>	<i>дуб</i>	<i>слон</i> (шахматный)
семан- тиче- ские признаки	[+ сущ.]	[+ сущ.]	[+ сущ.]
	[+ одуш.]	[- одуш.]	[- одуш.]
	[- мн. ч.]	[- мн. ч.]	[- мн. ч.]
	[+ м. р.]	⋮	⋮
	⋮	⋮	⋮
синтак- сиче- ские признаки	[+ сущ.]	[+ сущ.]	[+ сущ.]
	[+ одуш.]	[- одуш.]	[+ одуш.]
	[- мн. ч.]	[- мн. ч.]	[- мн. ч.]
	[+ м. р.]	⋮	⋮
	⋮	⋮	⋮
	⋮	⋮	⋮
	(Наследуются все семантические признаки)	(Наследуются все семантические признаки; требуется добавить синтаксический род)	(Здесь признак [+ одуш.] выделяется как нерегулярный; требуется добавить синтаксический род)

Не следует полагать, что все признаки наследуются механически. Так, слово *брат* имеет в семантической характеристике признак [+ м. р.], и этот признак наследуется, тогда как слово *дуб* такого признака в семантической характеристике не имеет. Тем не менее в синтаксическую характеристику слова *дуб* должен входить признак [+ м. р.].

С точки зрения смысла очевидно, что слова *сестра* и *чудовище* являются столь же одушевленными, как и слово *брат*. Синтаксически же одушевленность этих слов проявляется не в единственном, а во множественном числе. Эта особенность может быть отражена с помощью правила, которое переносит признаки из семантической характеристики слова в синтаксическую.

Ограничение на наследование

«Признак [+ одуш.] наследуется только при наличии признаков [+ м. р.] или [+ мн. ч.]».

Результат работы правила иллюстрируется следующими примерами:

	<i>сестра</i>	<i>сестры</i>
семантические признаки	[+ сущ.]	[+ сущ.]
	[+ одуш.]	[+ одуш.]
	[- мн. ч.]	[+ мн. ч.]
	[+ ж. р.]	[+ ж. р.]
	⋮	⋮
синтаксические признаки	<i>сестра</i>	<i>сестры</i>
	[+ сущ.]	[+ сущ.]
	[- мн. ч.]	[+ одуш.]
	[+ ж. р.]	[+ мн. ч.]
	⋮	[+ ж. р.]
	⋮	⋮

Ограничение на наследование является усложнением грамматики, без которого нельзя обойтись, но за счет его введения упрощаются правила определения формы винительного падежа. Предлагаемая ниже формулировка проще той, которая дана в разделе 2, и именно на этот более простой набор правил мы будем ссылаться в дальнейшем.

Правила определения формы винительного падежа:

1. Если имя имеет независимый винительный падеж, то выбирается форма этого падежа.

2. [+ вин. п.] → [+ род. п.] / [+ одуш.]

3. [+ вин. п.] → [+ им. п.]

Данные правила являются упорядоченными: второе может применяться только в том случае, если не применилось первое.

Первое правило дает нам возможность получить формы *сестру* и *сосну*. Можно было бы возразить, что это правило не должно входить в наш список и что применение правил определения падежной формы необходимо лишь для ликвидации морфологических лакун. Это возражение опровергается, стоит лишь обратиться к словам типа *дядя*, которые, будучи существительными мужского рода, склоняются как существительные женского рода. Рассмотрим предложение

(6) Я видел старого (м. р., вин. п. = род. п.) *дядю* (вин. п.)
Чтобы прилагательное было правильно согласовано с существительным, у слова *дядя* должен иметься признак одушевленности (как и сделано в примере (6)). Если бы первого из указанных правил не было, получилось бы следующее:

(7) *Я видел старого (м. р., вин. = род. п.) *дяди* (род. п.)
Из предложения (7) видно, что синтаксические признаки суще-

ствительного наследуются прилагательным, к которому правила определения формы применяются отдельно.

Второе правило определения формы позволяет получить формы винительного падежа, совпадающие с формами родительного: *брата, братьев, сестер, чудовищ и слона*.

Третье правило обеспечивает формы винительного падежа, совпадающие с формами именительного, в случае существительных среднего рода: *чудовище, окно*. Это правило может обслуживать также существительные женского рода третьего склонения, которые в большинстве описаний оказываются в числе исключений. Эти существительные могут быть как одушевленными (*мышь*), так и неодушевленными (*ночь*); в единственном числе форма винительного падежа совпадает у них с формой именительного, тогда как во множественном числе имеется, с одной стороны, форма *мышей* (вин. п. = род.п.), с другой — *ночи* (вин. п. = им. п.). Если считать, что эти формы не имеют независимого винительного падежа, то ограничение на наследование и правила определения формы дадут в итоге верные результаты.

Предложенное выше ограничение на наследование отражает нерегулярность поведения одушевленных существительных единственного числа женского и среднего рода. Относительно существительных женского рода все ясно: в большинстве случаев у них имеется независимый винительный падеж. Одушевленные существительные третьего склонения (их около 40) могут трактоваться описанным выше способом. Сложнее обстоит дело с существительными среднего рода. В единственном числе форма винительного падежа совпадает у них с формой именительного безотносительно к одушевленности; во множественном числе порядка десяти одушевленных существительных среднего рода имеют в винительном падеже форму, совпадающую с формой родительного падежа. На мой взгляд, это связано с тем, что во множественном числе различие в роде в настоящее время никак не выражается синтаксически:

(9) Хорошие дубы/сосны/окна были...

Таким образом, при наличии признака [+мн. ч.] включение в синтаксическую характеристику сведений о роде представляется излишним¹. В этом случае упрощение правил естественно приведет к тому, что признак одушевленности будет наследоваться всеми существительными множественного числа.

4. МЕСТОИМЕНИЯ

Теперь посмотрим, подходят ли предложенные правила для местоимений. Если с местоимениями *кто* и *что* дело обстоит довольно просто, то поведение личных местоимений, в особенности

местоимений третьего лица, оказывается гораздо более сложным. Как объяснить следующий пример:

(10) Я видел дуб (вин. п. = им. п.)/его (вин. п. = род. п.)

и еще более удивительный пример (11):

(11) Я видел окно (вин. п. = им. п.)/его (вин. п. = род. п.).

Самое беспомощное решение — заявить, что винительный падеж от местоимения *он* имеет форму *его* вне зависимости от одушевленности и т. д. Даже в этом случае *его* в качестве винительного падежа от местоимения *оно* выглядит в высшей степени странно, притом что винительный падеж для среднего рода единственного числа никогда не имеет формы родительного.

Если же приписать личным местоимениям синтаксический признак [+одуш.], то наши правила обеспечат нужные формы. Такое решение представляется более простым, чем то, при котором форма винительного падежа в каждом отдельном случае организуется специально, так как оно использует существующий механизм и объясняет форму *его* для среднего рода. Имеются еще два аргумента в пользу такого описания.

1. Перлмуттер и Орешник (Perlmutter—Orešnik 1973), оказавшие большое влияние на настоящее исследование, делают похожее предположение для словенского языка*. Их описание, в особенности, описание «осиротевшего винительного» основано на чисто синтаксических критериях. Они не используют свою гипотезу для объяснения реальных форм местоимений, и их аргументы не подходят для русского языка. Однако тот факт, что близкий подход оказывается справедливым для другого славянского языка, служит косвенным свидетельством в пользу нашего описания. К этому вопросу мы еще вернемся.

2. Как говорилось выше, имеются существительные, получающие признак [+одуш.] в виде исключения. Таким образом, ре-

* В данной работе исследуется особый случай синтаксического употребления прилагательного в словенском языке — без определяемого существительного (отсюда, термин «осиротевший винительный»). В случае «осиротевшего» винительного прилагательные мужского рода, относящиеся к существительному, имеющему неодушевленный референт, используют в винительном падеже форму родительного, хотя в соответствии с общим правилом определения формы винительный падеж неодушевленного имени использует форму именительного падежа (при наличии определяемого существительного это правило для прилагательного соблюдается).

Для объяснения такого поведения прилагательных предлагается специальное правило согласования, в соответствии с которым прилагательное согласуется по форме с вершиной своей именной группы. В случае «осиротевшего» прилагательного согласование проводится на том этапе деривации, когда существительное уже опущено и вершиной именной группы становится личное местоимение 3-го лица, которое в дальнейшем также опускается. Поскольку местоимение, будучи одушевленным, использует в винительном падеже форму родительного, в соответствии с предложенным правилом согласования прилагательному также приписывается форма родительного падежа. — Прим. перев.

шение, предложенное для местоимений, не вносит в грамматику ничего нового, а использует механизм, предназначенный для другой цели.

Мы выяснили, что присутствие в личных местоимениях синтаксического признака [+одуш.], позволяет объяснить их морфологическое поведение. Теперь посмотрим, есть ли в пользу одушевленности прямые синтаксические свидетельства. Такое свидетельство, как показывают приводимые ниже результаты опроса информантов, предоставляют предложения, в которых имеется согласование с местоимением.

Следующие ниже примеры предлагались коренным носителям русского языка, которых просили восстановить правильные окончания прилагательных.

- 1.. Ты видел брата (м. р., ед. ч., одуш.)? Да, видел его, проклят...
2. » дуб (м. р., ед. ч., неодуш.)? » его, »
3. » сестру (ж. р., ед. ч., одуш.)? » ее, »
4. » сосну (ж. р., ед. ч., неодуш.)? » ее, »
5. » чудовище (ср. р., ед. ч., одуш.)? » его, »
6. » дерево (ср. р., ед. ч., неодуш.)? » его, »
7. » братьев (мн. ч.)? » их, »
8. » дубы (мн. ч.)? » их, »
9. » сестер (мн. ч.)? » их, »
10. » сосны (мн. ч.)? » их, »
11. » чудовищ (мн. ч.)? » их, »
12. » деревья (мн. ч.)? » их, »

Приведенный эксперимент дал необычайно интересные результаты; ответы, как показано в таблице, могут быть разбиты на 3 группы. Хотя информанты были разного возраста и происхож-

Ответы 48 информантов

	Тип I (преобладает родительный падеж)	Тип II	Тип III (преобладает именительный падеж)
1. брата	-ого	-ого	-ого
2. дуб	-ого	-ого (а)	-ый (d)
3. сестру	-ую	-ую	-ую
4. сосну	-ую	-ую	-ую
5. чудовище	-ого	-ое (b)	-ое (e)
6. дерево	-ого	-ое	-ое
7. братьев	-ых	-ых	-ых
8. дубы	-ых	-ых	-ых (f)
9. сестер	-ых	-ых (c)	-ых
10. сосны	-ых	-ых	-ых (g)
11. чудовищ	-ых	-ых	-ых
12. деревья	-ых	-ых	-ых

Число «стандартных» информантов	12	14	4
Варианты	—	4 неполных ответа (а) трое дали окончание -ый (b) трое дали окончание -ого, двое уточнили «если одушевленное» (и окончание -ое, если неодушевленное) (c) один дал окончание -ые здесь и в примере 10.	(d) один дал окончание -ого, один -ого здесь и в примере 5, (e) один дал окончание -ого (f) двое дали окончание -ых, еще один -ых/ые как альтернативные варианты (g) один дал окончание -ых.

дения, как живущие в Советском Союзе, так и эмигранты, никакой очевидной корреляции между этими факторами и полученными группами не выявлено.

В графу «Стандартные информанты» входят 30 информантов, которые дали именно тот набор ответов, который записан в таблице. Входящие в графу «Варианты» дали те же ответы за исключением особо оговоренных случаев³; они составляют отдельную от стандартных информантов группу, и никакими закономерностей для них установить не удастся — никто из тех, кто дал нестандартный ответ, например, в случае (а), не дал нестандартного ответа в случае (b). Из четверых, давших неполные ответы, один не мог дать ответ в примере 6, считая обе альтернативы неестественными, а трое других были первыми из опрошенных и эксперимент проводился с ними не по полной программе. Данные ими ответы позволяют отнести их к типу II (хотя, по-видимому, несколько отличному от «стандартного»).

Тип I представляет собой прямое подтверждение гипотезы, относящей личные местоимения к синтаксически одушевленным существительным. Признак [+одуш.] во всех примерах наследуется прилагательным. Заметим, что наследуются признаки, а не форма родительного падежа: это объясняет окончание -ую в примерах 3 и 4, которое задается первым правилом определения формы (разд. 3). Во всех остальных предложениях форма родительного падежа задается вторым правилом. Интересное замечание сделал один из информантов: «Я чувствую, что из-за присутствия местоимения они все персонифицируются».

Тип III может рассматриваться как доказательство неправильности нашей гипотезы. Однако на самом деле оно является крайне малозначимым. Во-первых, некоторые информанты, дававшие от-

веты Типа I и Типа II, заявляли, что при наличии после местоимения длинной паузы возможны также ответы Типа III (после паузы прилагательное может соотноситься непосредственно с существительным). Таким образом, четыре «стандартных» информанта, относящиеся к Типу III, могли просто принять такое осмысление. Информанты, употребившие форму родительного падежа с одним из «неодушевленных» местоимений, но не со всеми остальными (варианты d, e, f, g) еще более снижают весомость данной группы ответов: если одушевленность может наследоваться в одном случае, ничто в принципе не запрещает ее наследование в других.

Тип II (отличающийся от Типа I только тем, что в примерах 5 и 6 употребляется форма винительного падежа, совпадающая с формой именительного) представляет собой самый сложный и самый распространенный случай; в то же время оказывается, что он служит наилучшим аргументом в пользу нашей гипотезы. В связи с этим необходимо объяснить, почему одушевленность наследуется во всех случаях, кроме случая с местоимениями среднего рода. Ответ состоит в том, что информанты, поступившие таким образом, использовали ограничение на наследование и переносили признаки с местоимения на прилагательное так, как если бы они переносили их из собственно семантического компонента. Другими словами, они переносили на прилагательное признак [+одуш.] только при наличии у местоимения признаков [+мн. ч.] или [+м. р.]. В этом случае прилагательные среднего рода в соответствии с третьим правилом определения формы остаются в форме винительного падежа, совпадающей с формой именительного.

Такое объяснение, требующее расширения сферы действия ограничения на наследование, может показаться неправдоподобным: с какой стати ограничение, применяемое для перенесения семантических признаков слова в его синтаксическую характеристику, должно действовать и при наследовании признаков в случае синтаксического согласования? На это можно ответить, что, хотя упомянутые операции и различны, ничто не запрещает осуществлять их с помощью одних и тех же правил (общего вида «наследуются все признаки») с одними и теми же ограничениями. Если применить ограничение на наследование одушевленности, переноса признаки от существительного к прилагательному, это не даст нужного результата. Одушевленность будет наследоваться прилагательным только при наличии признаков [+м. р.] или [+мн. ч.], но в синтаксическую характеристику существительного она тоже вносится только в этом случае. Таким образом, распространение семантико-синтаксических правил наследования на согласование прилагательных представляет собой упрощение грамматики, которое обычно не находит отражения в синтаксисе⁴. Различие между информантами, относящимися к Типу I, и инфор-

мантами, относящимися к Типу II, состоит в том, что последние расширили сферу действия ограничения на наследование, а первые нет. Обычно явного указания на то, расширил говорящий сферу действия правил о наследовании или нет, мы не находим: это различие проявляется лишь в таких необычных предложениях, как те, что приведены выше.

В Типе II есть любопытные варианты. Один из информантов выбрал форму винительного падежа, совпадающую с формой родительного, в примере 5 в отличие от примера 6 (вариант b), а двое других признали эту форму грамматически правильной, однако предпочли форму, совпадающую с формой именительного падежа. Здесь, я думаю, встретившись с «незаконным» синтаксическим сочетанием:

+	одуш.
—	м. р.
—	ж. р.
—	мн. ч.

информант «вернулся назад», чтобы выяснить, откуда взялся признак [+одуш.]. Так как в случае примера 5 этот признак обнаруживается также и в семантической характеристике, то он учитывается, но в случае примера 6, где соответствующего семантического признака нет, он опускается.

Двое информантов, которые, по нашему опыту, заслуживают наибольшего доверия, снабдили ответы к примеру 5 пояснением, что, если считать существительное *чудовище* одушевленным, то прилагательное должно иметь окончание *-ого*, в противном случае *-ое*⁵. Рассмотренный выше пример подтверждает это. Быть может, здесь также имеет место попытка рационально обосновать сделанный выбор при наличии двух в равной мере приемлемых возможностей.

Труднее объяснить наличие вариантов в случае (a) (3 информанта). Представляется, что эти информанты, как и в предыдущем случае, «вернулись назад» и отвергли признак одушевленности у местоимения *его*, поскольку синтаксический признак рода (мужской) не поддерживается соответствующим семантическим признаком. Таким же образом объясняется и то, как эти информанты различают единственное и множественное число: «подозрительные» примеры во множественном числе после такой проверки обнаруживают значение множественности также и в семантическом компоненте⁶.

Чтобы ценность приведенных аргументов не могла быть поставлена под сомнение, рассмотрим два возможных возражения: необычность предложенных примеров и незамысловатость эксперимента.

Действительно, рассмотренные предложения необычны. Представляется, что будь они более обычны, стандартизация или нестандартизация ограничения на наследование проводилась бы регулярно. Впрочем, примеры согласования с объектными местоимениями вполне естественны:

(12) И до того *ее*, милую, раскачало, что...

(М. Зоценко)

(13) *Его* и впрямь нашли среди мертвых, слепого...

(«Правда», 31.5.73)

(14) ...П. Беляевский считает вопрос о второстепенных членах предложения настолько темным и запутанным, что предлагает отказаться от деления их... и обобщить, объединить *всех их* в одной категории пояснительных слов.

(В. В. Виноградов. «Из истории изучения русского синтаксиса». М., 1958, с. 268)

Для нас наиболее интересен пример (14), так как он демонстрирует не просто согласование с объектным местоимением, но такое согласование, которое осуществляется по одушевленному типу, притом что местоимение имеет неодушевленный референт. Этот пример процитирован в Блажев 1962, 30. Проводя описанный выше эксперимент, я не знал, что Блажев зафиксировал примеры как из текстов, так и из экспериментов с информантами, в которых согласование по одушевленному типу осуществляется с местоимениями, имеющими неодушевленный референт. Помимо примеров с формами слова *все*, он приводит примеры с формами *его самого, самого себя, их обоих* и утверждает, что при слове *сам* одушевленная форма обязательна для того, чтобы исключить возможность отнесения ее к субъекту. В своем основном эксперименте с информантами Блажев ограничился случаем выбора между формами *всех* и *все* при согласовании с местоимением *их*, относящимся к неодушевленным объектам (десяти испытуемым было предложено девять примеров с такой альтернативой: форма *всех* была выбрана 23 раза, а форма *все* — 67 раз; в итоге автором не были установлены те закономерности наследования признаков, которые описаны выше).

Что касается второго возражения, то действительно следует признать, что наш эксперимент несложен. Тем более приятно, что столь простыми средствами удалось достичь столь показательных результатов. Хотя некоторые детали еще требуют уточнения, полученные результаты очевидным образом подтверждают факт наследования одушевленности от местоимений (в том числе и от тех, которые относятся к неодушевленным объектам), и тем са-

мым служат аргументом в защиту описания, использующего наследование признаков.

5. РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Я утверждаю, что обоснованный выше способ описания применим и к другим славянским языкам. Я рассмотрю проблему местоимений для всех славянских языков, и в общих чертах проблему одушевленности для словенского языка. Так как материал словенского языка совсем недавно обсуждался, мы в основном будем опираться на него. Будут также привлечены некоторые факты из украинского и белорусского языков.

Сделанные нами утверждения относительно личных местоимений русского языка:

(1) что они имеют синтаксический признак [+ одуш.] и

(2) что их формы могут быть получены с помощью рассмотренных выше правил определения формы винительного падежа, справедливы для всех славянских языков (за исключением болгарского и македонского, о которых мы здесь говорить не будем). Некоторые языки, такие, как сербско-хорватский и словацкий, имеют специальную форму женского рода винительного падежа единственного числа, которая на самом деле есть и в ряде северных русских диалектов (*ону*); эта форма учитывается с помощью первого правила определения формы. Другие языки, такие, как белорусский и украинский, всегда имеют форму винительного падежа, совпадающую с формой родительного. Ни один славянский

Число	Род			
	Мужской	Средний	Женский	
Единственное число	Им.	òп	òпо/òпò	òпа
	Вин.	njéga (ga)		njǰ (jǰ)
	Род.	njéga (ga)		njǣ (jǣ)
Двойственное число	Им.	òпá	òпé	òпé
	Вин.		njú/njìh (ju/jìh)	
	Род.		njú/njìh (ju/jìh)	
Множественное число	Им.	òпí	òпá	òпé
	Вин.		njǣ (jìh)	
	Род.		njìh (jìh)	

язык ни для одного личного местоимения не имеет формы винительного падежа, совпадающей с формой именительного.

Так как словенские личные местоимения, в особенности местоимения третьего лица, устроены сложнее всех других, рассмотрим их в качестве иллюстрации. (Таблица заимствована из De Vray 1951, 397; в скобках даны энклитические формы.) Первое правило определения формы учитывает формы *pjǫ*, *jǫ* и *pjě*. Кроме того, оно отвечает за особые формы мужского рода *-nj* и среднего рода *-nje*, употребляющиеся после предлогов. Все остальные лакуны в винительном падеже заполняются «заимствованными» формами родительного падежа по второму правилу определения формы.

Стоит рассмотреть вопрос, каким образом получилось так, что местоимения могут иметь признак одушевленности даже тогда, когда относятся к неодушевленным референтам. Этой проблемой специально занимались Перлмуттер и Орешник (Perlmutter—Orešnik 1973, 439). В свете предложенного выше описания она уже не представляется такой трудной. Так как эта проблема отнесена к числу синтаксических, ее можно сопоставить с проблемой синтаксического рода, который не отражает пол. Употреблять по отношению к неодушевленным объектам синтаксически одушевленную форму не «хуже», чем приписывать им мужской или женский род, не соотносящийся с семантическим признаком пола.

Таким образом, хотя с теоретической точки зрения эта проблема ни в коей мере не уникальна и обсуждаемые местоимения представляют собой синтаксический курьез, нетрудно отыскать возможные причины этого явления, а именно:

(I) остальные личные местоимения всегда являются одушевленными;

(II) по сравнению с другими именными группами местоимения имеют тенденцию занимать положение, наиболее близкое к началу предложения. Это делает различительную роль надежного маркирования (обеспечивающего противопоставление подлежащего и дополнения) более важной: при совпадении именительного и винительного падежей могли бы возникнуть осложнения.

Местоимения, таким образом, ведут себя как русское слово *слон*; будучи употреблены по отношению к неодушевленным объектам, они не в состоянии потерять свою синтаксическую одушевленность.

Из проведенного исследования вытекает, что формы винительного падежа личных местоимений словенского языка могут быть получены с помощью тех же механизмов, которые предложены для русского языка. Посмотрим теперь, применимы ли к словенскому языку остальные теоретические построения.

Прежде всего в словенском языке точно так же необходимо различение семантической и синтаксической одушевленности для того, чтобы учесть поведение таких существительных, как *gak*

(*рак* — болезнь) и *as* (*гуз*), которые являются семантически неодушевленными, а синтаксически одушевленными (Perlmutter—Orešnik 1973, 432). Более того, имеются существительные женского рода, которые являются семантически одушевленными, хотя синтаксически это не выражается. Наличие правила ограниченного наследования типа того, которое предложено для русского языка, учитывает «коллективную нерегулярность» этих существительных лучше, чем приписывание каждому из них при знака одушевленности, который не используется в синтаксических правилах. На правило наследования накладывается еще более сильное ограничение, так что наследование одушевленности становится возможным только в присутствии признака [+ед. ч.]. Хотя энклитическая форма винительного падежа множественного числа *jih* имеет признак [+одуш.] и совпадает с формой родительного падежа, неэнклитическая форма «осиротевшего винительного» не совпадает с формой родительного, так как первое правило определения формы («если имеется независимый винительный падеж, то выбирается форма этого падежа») припишет формам множественного числа окончания винительного падежа.

Колебания в употреблении винительного падежа единственного числа одушевленных существительных среднего рода также могут быть учтены с помощью правила наследования: у некоторых говорящих при наличии признаков [+ср. р.], [+ед. ч.] одушевленность наследуется, у других нет. Естественные следствия этого — колебания в «осиротевшем винительном» и свойственное всем стремление не употреблять его: возникает сомнение, наследуется ли одушевленность в случае существительного среднего рода, и поэтому с такой ситуацией стараются не иметь дела. Когда эта проблема все-таки встает, правило наследования применяется как в русском языке, давая в качестве окончательного результата форму именительного или родительного падежа в зависимости от того, допускает ли говорящий наследование одушевленности у существительных среднего рода. Это еще одно доказательство того, что одни и те же правила наследования могут действовать как внутри именной группы, так и при перенесении семантических признаков в синтаксическую характеристику.

Таким образом, пересмотр данных словенского языка с предлагаемой здесь точки зрения позволяет нам сохранить значительные достоинства анализа Перлмуттера и Орешника и в то же время еще более упростить грамматику и увеличить ее объяснительную силу. Упрощение заключается в том, что формы винительного падежа местоимений определяются с помощью уже существующего механизма, и в том, что исключаются избыточные синтаксические признаки (например, одушевленность для существительных женского рода). Объяснительная сила увеличивается в результате того, что семантический признак одушевленности (ис-

пользующийся в качестве сочетаемостного ограничения) отделяется от синтаксического признака.

Некоторые славянские языки пошли еще дальше в маркировании одушевленности существительных, чем русский и словенский, несмотря на отсутствие всяких семантических оснований для этого. Например, Затовканюк (З а т о в к а н ю к 1972) приводит многочисленные примеры из украинского и белорусского языков, где одушевленность представляет собой синтаксический признак, который начинает вести себя скорее как грамматический род: вместо того чтобы почти во всех случаях определяться исходя из семантических факторов, этот признак становится более поверхностным. В более общем виде вместо того, чтобы различать подлежащее и дополнение лишь тогда, когда двусмысленность наиболее вероятна (т. е. в случае одушевленного дополнения), эти языки имеют тенденцию приписывать винительному падежу формальный признак вне зависимости от того, требуется это или нет.

6. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Теоретическая ценность нашего описания одушевленности заключается в том, что предложена и обоснована некоторая четко сформулированная модель, в которой используются как семантические, так и синтаксические признаки⁷. В этом, казалось бы, нет ничего необычного, однако, когда такой подход был выдвинут Катцем и Фодором (K a t z — F o d o r 1963), он встретил возражения. Вейнрейх утверждает, что оснований для разграничения этих двух типов признаков нет:

«В теории КФ [Катца и Фодора] есть только один вопрос, к которому „метатеоретическое“ противопоставление синтаксических и семантических маркеров [признаков] имеет существенное отношение: это проблема маркеров [признаков] того и другого типов, у которых „оказались“ одинаковые названия. Предлагается, например, характеризовать слово *babu* 'грудной ребенок' семантически как (человек), а грамматически как (не-человек), поскольку оно заменяется местоимением *it*, в то время как *ship* 'корабль' характеризуется противоположным образом. Однако эта проблема решается чисто грамматически еще с античных времен: либо при помощи смешанных родов, либо при помощи одновременного включения соответствующих слов в два рода» (Weinreich 1966, 404).

К сожалению, решение, известное «еще с античных времен», нигде не обнаруживается. Вейнрейх ссылается на Хокетта и Мартине, у которых эта проблема лишь ставится, но отнюдь не решается.

Проблема одушевленности представляет собой совершенно аналогичный случай в том отношении, что одушевленность релевантна как для семантического, так и для синтаксического уровня, которые, однако, не изоморфны друг другу. Одних этих данных, вне зависимости от подхода к схожей проблеме соотношения пола/рода, достаточно для обоснования того факта, что семантические признаки существуют отдельно от синтаксических.

Однако их не следует рассматривать и совершенно независимо друг от друга. Предложенная система правил наследования позволяет нам отразить то очевидное обобщение, что семантические и синтаксические признаки часто совпадают друг с другом, и в то же время дает возможность учитывать случаи, когда они не совпадают. В нашей системе учитывается тот факт, что слова *брат* и *дуб* имеют «разный» мужской род; такие проблемы для Вейнрейха безразличны, так как его подход основан на материале английского языка; совершенно очевидно, что его модель, трактующая согласование как семантический процесс, для рассматриваемых здесь явлений не подходит. Таким образом, мы обосновали правомерность отделения семантических признаков от синтаксических и — как следствие этого — необходимость отражения в лингвистической теории описанных выше механизмов наследования. Кроме того, было показано, что близкие механизмы, функционирующие в разных частях грамматики (в нашем случае — механизмы наследования), могут в грамматике конкретного носителя языка объединяться или существовать отдельно друг от друга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это может быть выражено с помощью второго ограничения на наследование: «род наследуется только при наличии признака [—ми. ч.]». Предложенный ранее набор признаков для слова *сестры* может быть упрощен: признак [+ж. р.] не должен переноситься в синтаксическую характеристику.

На это можно возразить, что противопоставление по роду во множественном числе нельзя просто игнорировать. Так, косвенные падежи числительного *оба* сохраняют противопоставление между формой мужского/среднего и формой женского рода. На самом деле употребление слова *оба* еще раз демонстрирует, что это противопоставление потеряно: формы женского рода употребляются только в письменной и очень тщательной устной речи — обычно же всюду употребляются окончания мужского — среднего рода. Зализняк (З а л и з н я к 1964, 31) выступает против утверждения, что род не различается во множественном числе, из-за наличия примеров типа следующих.

(1) Я доволен этими стенами, каждая (ж. р., ед. ч.) из которых по-своему хороша.

Он считает, что форма *стенами* должна иметь пометы о признаках женского рода и множественного числа для того, чтобы прилагательное *каждая* получило при согласовании правильную форму. Это звучит не очень убедительно: род слова *каждая* может быть установлен разными способами, самый простой из них — предположить, что в этом предложении опущено существительное (*стена*).

² Формы типа 1 и 7, где ответ очевиден, играют двойную роль:

(1) Они помогают носителю языка сохранить ориентацию и не потерять доверие к своим собственным суждениям.

Если друг за другом следует несколько трудных вопросов, это вскоре может сбить с толку.

(II) Они служат для проверки того, что информант представляет, о чем идет речь, например, что он читает все предложение целиком.

В результате проведенного эксперимента лишь один набор ответов представляется необоснованным: информант (вариант (с) ниже) дал в примере 9 окончание *-ие* и в примере 8 — *-ых*. Это, как и следовало ожидать, единственный пример такого рода, и в силу этого именно такой набор окончаний представляется крайне сомнительным.

³ Некоторые информанты дали альтернативные ответы или комментарии, которые мы здесь приводим:

Тип I

При обсуждении один информант сказал, что он предпочитает в примере 6 окончание *-ое*. Другой испытывал сильные сомнения относительно примеров 5 и 6, сказал, что пример 6 — самый трудный, и выбрал для обоих примеров окончание *-ое*.

Тип II

Один информант, давший вариант (b), дал варианты в примерах 2, 5, 8, 1 и 12 с повтором существительных. Один информант заявил, что допустимым вариантом в примере 5 является окончание *-ого*, хотя лучше не употреблять ни то ни другое, и что окончание *-ый* совершенно неприемлемо в примере 2. Один информант дал окончание *-ого* как вариант в примере 5. Один информант дал варианты с прилагательным *проклятущего* и т. д. Один информант сказал, что ни каких вариантов дать нельзя, затем сказал, что в примере 5 окончание *-ого* звучит так же хорошо, как окончание *-ое*, может быть даже лучше, но что окончание *-ие* в примерах 8, 10 и 12 явно звучит хуже. Один информант заявил, что в качестве варианта во всех случаях (включая примеры 3 и 4) возможен именительный падеж, если только разделить предложение на две «смысловые группы». Один информант дал варианты в примерах 2, 8, 10 и 12.

Тип III

Один информант дал в примерах 8, 10, 12 в качестве варианта окончание *-ых*. Один информант, давший вариант (g), засомневался в своих собственных ответах в примерах 2, 8 и 12.

⁴ Сходным образом можно было бы применить ограничение, предложенное в примечании 1, при наследовании признаков существительного прилагательным. Тогда в словосочетании *хорошие сестры* род от слова *сестры* прилагательным наследовался бы, так же как признак рода отсутствует в синтаксической характеристике слова *сестры*. Однако мне не удалось найти убедительные аргументы в пользу распространения/нераспространения этого правила на поверхности форму.

⁵ К сожалению, слово *чудовище* может употребляться иногда по отношению к неодушевленным объектам. Лучшего варианта, однако, не нашлось, так как в однозначные одушевленные существительные среднего рода имеют морфологическую форму прилагательных или причастий, в результате чего могла бы возникнуть путаница.

⁶ Другое странное явление такого рода представляет собой поведение сленгового слова *персонаж* (Розенталь — Геленкова 1972, 177), которое в единственном числе может быть только неодушевленным, а во множественном и неодушевленным и одушевленным.

⁷ Более формальная трактовка разрабатывается мной в Corbett 1981.